

Ирина ПЕЧЕРНИКОВА: Я ПРОБОВАЛАСЬ СО ВСЕМИ КРАСИВЫМИ АКТЕРАМИ

Один человек сказал: «С ней даже по телефону поговоришь — будто родниковой воды выпьешь». Другой заметил: «С ее внешностью и талантом в Голливуде бы...». Роковых, мол, красавиц играть. Не знаю, как там с Голливудом. А даже в «Доживем до понедельника» она могла и не сняться, так как предпочитала классических героинь. Лицо иноземной женственности с оттенком сладостной авантюры. Лик милости, светлости, высочества. В киноэнциклопедии потом написали: самая значительная роль. Это про ее учительницу английского языка, влюбленную в Вячеслава Тихонова. Хотя ведь много играла и в кино, и в театре. Тридцать лет назад появился первый фильм с ней. Но, чтобы вспомнили облик, по-прежнему говорят: «Доживем до понедельника». Звучит, как припев ее жизни.

— Ирина Викторовна, сколько смотрю фильм «Доживем до понедельника», столько думаю: интересно, что вам говорит Вячеслав Тихонов во время вашей долгой прогулки в конце фильма под красивую музыку? Не помните?

— Помню. Дело в том, что сначала снимали осеннюю натуру, а уже потом классы, и поэтому мы во время этой прогулки знакомимся друг с другом, притирались. Я, по-моему, кучу глупых вопросов задавала, а он очень вежливо, тактично отвечал. Он в основном сам в себе, такой молчаливый, серьезный, но иногда вдруг удивительно шутил.

— Анекдоты, что ли, рассказывал?

— Мне — нет. Но как-то мы перевыполнили план по съемкам, и на ноябрьские праздники часть группы поехала на Валдай, в дом отдыха. А там озеро, рыбалка. Тихонов с Росточким очень большие друзья и заядлые рыбаки. И это их святое, любимое место. А меня взяли, чтобы я привывкала, чувствовала себя своей. И как-то я постучалась в номер к Вячеславу Васильевичу уж не помню что просить. И застала замечательную картинку. Он стоит на четвереньках, вся комната в удочках, лесках, блеснах — они разложены на столе, на стульях, на полу. И с совершенно детским выражением лица Тихонов говорит: «Ирочка, вы посмотрите, какая красота». Я рассказала об этом Нине Меньшиковой, жене Росточкина, а она мне: «Да их же вдвоем за границу нельзя отпускать, они привозят какой-нибудь сувенир, а все остальное — для рыбной ловли». И тогда

они с утра до ночи рыбачили, даже если ничего не ловилось, то после этого на ужин — и анекдоты, и какие-то истории.

— Вам не хотелось влюбиться в себя Тихонова?

— Он просто очень любимый мной артист был. Я старалась, чтобы у нас хорошие отношения сложились, но влюбиться... Первый раз сейчас задумалась: а что это я, действительно?..

— Вы занимались музыкой, фигурным катанием, научились ездить на лошади, на автомобиле, мотоцикле, когда готовились поступать в театральное. Потому что актриса должна уметь все. И что из этого умения вам пригодилось?

— Лошади пригодились. В фильме «Первая любовь». Конь был удивительный, мудрый, по-мо-

ему, все артисты на нем переездили — Гиацинт. Он белый. Потом я узнала, что белая лошадь — это уже поседевшая. Умница был, очень добрый, послушный, мы подружились. И машина в жизни пригодилась, я любила водить.

— У вас бывали травмы?

— Однажды на съемках сломала обе ноги — неудачно прыгнула в сугроб, под которым оказался пен. Пять месяцев лечилась, восстанавливалась. Но это неинтересно, интереснее: почему сломалась? Когда лежала в больнице, я все думала: за что? Самый пик моей актерской биографии — уже «Доживем до понедельника», «Первая любовь», уже в Театре им. Маяковского премьерный спектакль выпустила, и вдруг такая боль и полгода вычеркнута из жизни. А потом, то ли кто-то меня резко развернул, то ли что-то

прочитала, но перестала задавать этот вопрос и спросила себя: для чего? Наверное, я не готова была к той славе, что на меня обрушилась, к шумихе вокруг себя. Я хотела хорошо работать, не более. И вот вместо того, чтобы мотаться, как сейчас говорят, по тусовкам, слушать объяснения в любви, думать, что я вся такая особенная актриса, судьба определила мне гипс, книжки и самых близких людей. И еще большой вопросительный знак: буду хромать или нет? Может быть, я не выдержала бы испытания медными трубами. Маленькая же еще была.

— Вас бы так же и по славе пронесло, легко и незаметно.

— Совершенно неизвестно. Я про себя знаю — цену то, что мне трудно дается, а что легко дается, легко и теряю.

— В Польшу вы уехали тоже от славы?

— Нет, я влюбилась. Опять же по прошествии лет я думаю: мы не так близко и долго были знакомы, чтобы ради чувства все бросить и уехать. Но дело в том, что тогда только к родственникам выпускали за границу. Мы влюбились, он уехал, и мы не могли видеться. Он был польский музыкант, руководил вокально-инструментальным ансамблем. Мы познакомились в Москве, это был мой первый выход в свет из больницы, когда вместо ног у меня были две палочки. Та еще история: на съемках в Польше сломаться, чтобы в Москве, выйдя первый раз на улицу, познакомиться с будущим мужем, поляком. Думаю, что мой отъезд — это порыв отстоять чувство. Я совершенно не стремилась замуж, но просто не было другой возможности видеться. Ну, поженились. В Польше я бы могла еще работать. А потом он уехал в Швецию.

— И что вы делали в Польше?

— Мне язык легко дается. Думаю, что уже через год смогла бы работать, тем более тогда очень много было обложек с моими фотографиями, статей, интервью, я туда приехала известной артисткой. Но он поехал в Швецию по своим музыкальным делам. И я с ним. И там два года я тихо сходилась с ума. Сидела дома в совершенно чужой для меня стране, такой хорошей, добропорядочной, сытой, скучной. А какие-то кинопредложения из Союза мне все-таки присылали, и муж меня сам отправил: поезжай, поработай, а то ты совсем тут...

— На вашей карьере отъезд никак не сказался? Это же тогда не так просто было, взять да покинуть Родину?

— Наверное, если б я задумывалась... Вот как сороконожка, которую спросили, с какой ноги она начинает идти. И больше она уже никуда не пошла. Ни с какой ноги. А я приехала в Москву на конкретную съемку. Фильм, правда, плохой получился, но надо было, чтобы меня увидели. И я там балерина, понадобилось на станок ходить, приводить себя в порядок, чтобы и самой танцевать. Потом «Города и годы» Зархи — это уже серьезная картина. К мужу я время от времени возвращалась — повидаться. Но с таким удовольствием начала здесь работать, взяла, сразу в трех картинах, что совершенно не скучала по Швеции. И брак наш сам по себе сошел на нет.

— А на родителях ваш отъезд никак не отразился?

— Ну, Польша! Она же социалистическая страна была. А Швеция?.. Не знаю. Во всяком случае, родители мне ничего не сказали, наверное, не было никаких репрессий.

— Ваши родители геофизики, они что, вместе учились?

— Да, их девять человек было — первый выпуск геофизического факультета Ленинградского университета. Потом они по распределению переехали в Москву. Мама была молчаливая, маленькая, тонюсенькая. У нее уже сын был, и как-то в трамвае он разревелся, а она его держала на руках, и ей сказали: вот, мол, доверяют детей детям. Она сама в слезы: это мой ребенок! Она много читала, много работала и очень мало говорила. Я знаю, что она любила «Элегию» Массне, знала наизусть «Евгения Онегина», что ее мама пропала без вести во время первой мировой войны, когда маме было три года. Мало я про нее знаю, так жалко. Но это сейчас приходят такие мысли, когда мамы уже нет.

— Папа про нее не рассказывает?

Из детского сада
меня выгнали

— Рассказывает, но какие-то события из их уже совместной жизни. А чем она жила? Не знаю. Так получилось. Может, это и хорошо. Вроде бы я все сама в жизни решала. Пожаловаться некому — сама.

— А с братом и сестрой у вас какие были отношения?

— Говорят, что маленькая я была очень противная, вредная. Брату иногда приходилось меня бить. Сестра со мной мучилась, потому что я все время выступала. Ненавидела детский сад. Помню, мы спускались по лестнице, и я орала на весь подъезд. Во дворе, если никого не было, я шла нормально, а когда выходили на улицу, валялась на землю, вопила, и Галка волоком тащила меня в детский сад. А все ей говорили: зачем мучаешь ребенка?

— Работали на публику?

— Наверно. Дралась. Двор на двор даже. Я верховодила во дворе. Класа с третьего. Все время что-то придумывала, какие-то игрища устраивала. То мы на плоту куда-то плыли: рядом стройка была, котлован с водой, и мы по уши в грязи, потому что плот перевернулся. То были марсианами на той же стройке: «летали» среди балок второго-третьего этажей. И периодически к маме с папой приходила делегация родителей и сообщала, что детям запрещено со мной водиться. Тогда я организовала школу и стала дружить с дошкольниками, учила их читать, писать. Бедные дети стояли в подъездах у подоконников, но научились и писать, и читать. Правда, их родители тут же сказали, что дети перестали гулять. Но, помню, это какие-то брошенные ребята были. А потом те, кто со мной не водился, стали проситься ко мне учителями.

— Родители, наверное, часто в командировки ездили, и кто занимался вашим воспитанием?

— Соседи за мной присматривали, мы жили в коммунальной квартире. А из детского сада меня выгнали.

— За что?

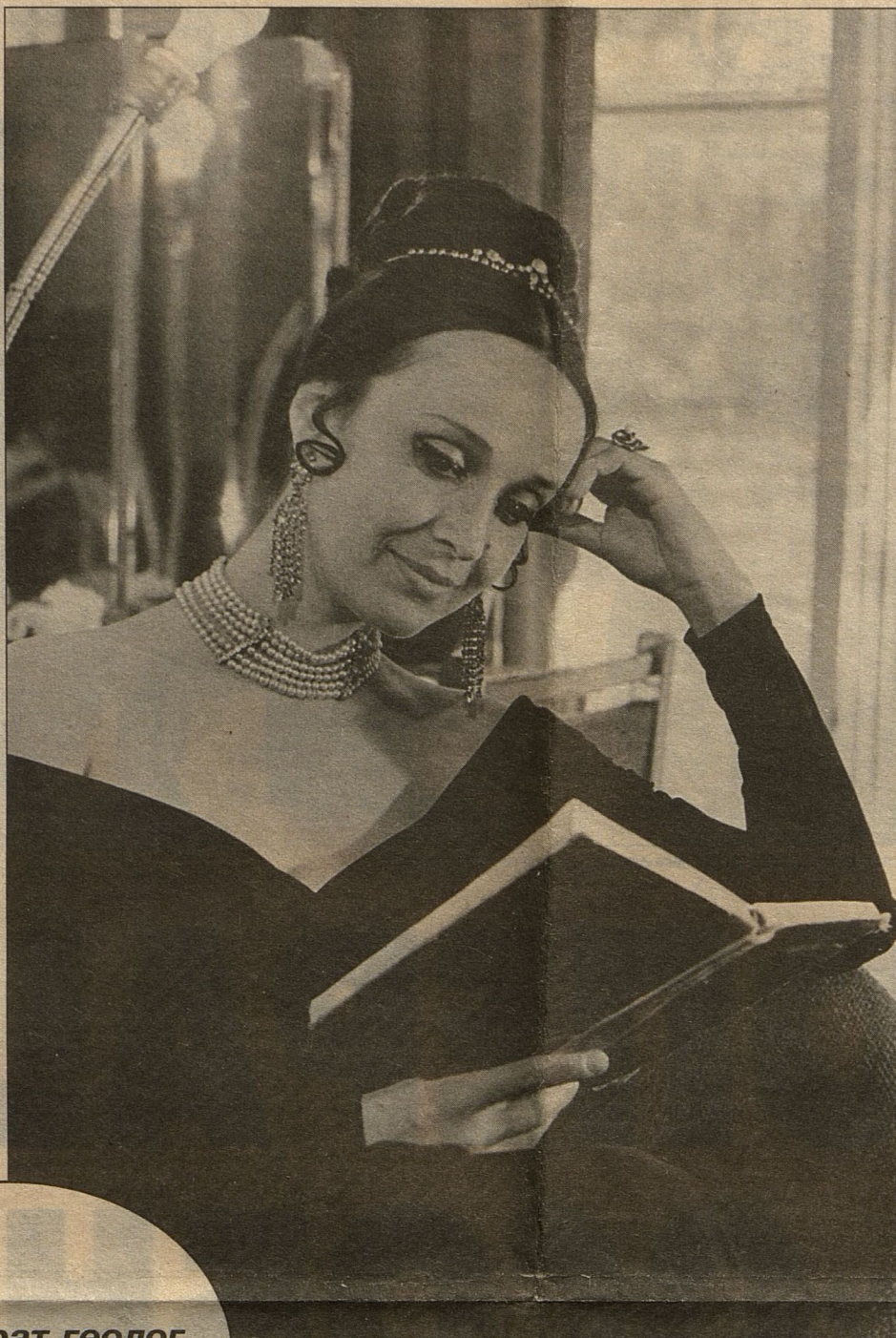
— Там был очень нехороший мальчик. Он дал мне орешек и сказал: положи его в дверную щель и держи, он сейчас расколется. И ногой со всего размаху захлопнул дверь. Прищемил мне два пальца. И очень веселился, такой толстый, противный. И я ему палец откусила. Думаю, что не совсем, но прокусила сильно. А мальчик был сын какого-то солидного папы.

— Да уж, детский ужастик. А как вы попали в первый свой фильм — «Каменный гость»?

— Режиссер пришел на мой дипломный спектакль в школе-студии МХАТ — «Галланты и поклонники» — и меня взяли без проб: сфотографировали, посмотрели на пленке и пригласили. Зато долго искали Дон Жуана. Благодаря этому я со всеми красивыми актерами нашей страны пробовалась. Только Тихонов, по-моему, туда не попал. И, кажется, Стриженов отказался, или его не было. А сыграл в результате Владимир Атлантов. Он тогда получил первую премию на конкурсе им. Чайковского. И должен был в фильме петь партию Дон Жуана. Но решили, что он же будет и играть. Я сначала расстроилась, увидела его по телевизору: толстый, в очках, старый — какой же он Дон Жуан?! Ему 27 лет было, а я думала: такой старый!

— В фильме «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» вы снимались с Владимиром Высоцким. Как это было?

— В 1975-м мне делают костюмы для эпизодической роли в фильме «Сказ про то...» Я играю в самом начале, в воспоминаниях героя, графиню, первую красавицу Парижа, которая родила черного ребенка. Мне шют потрясающей красоты платье, потом их почему-то только по груди показывают в кадре, а они расшиты вручную, просто произведения искусства! И художница умоляет меня ни на миллиметр не поправляться. Я держусь, как спортсменка. Но на съемках в другой картине ломаю ногу и оказываюсь в гипсе. Мне ищут замену, только в платье никто больше не помещается, настолько оно по моей фигуре сшито. Режиссер Митта спрашивает: сможешь в гипсе сниматься? Я говорю: смогу, но мы же должны друг к другу по лестнице взбежать! Как немое кино: быстрые жесты, преувеличенно выразительная мимика, чтобы выглядело смешно. Митта отвечает: придется Владимиру Семеновичу носить тебя на руках. И деваться ему некуда. Начинаются съемки. Высоцкий носит меня на руках. А мы с ним года три как поссорились и не разговариваем. И кульминация всей нашей беготни — он бросает меня на роскошную кровать, и мы изображаем там страсть. У меня сзади метров пять газового пеньюара, лицо намазано белым гримом, Володя выкрашен в шоколадный цвет. И когда мы дотрагиваемся друг до друга, у него остаются белые пятна, у меня — коричневые. Мы по-прежнему не разговариваем. И между нами еще моя гипсовая нога. В общем, дублей пять запароли. Режиссер кричит: «Что за актеры! У меня «Кодак»! Вы сделаете или не сделаете?!» И тут мы разозлились на самих себя и — как в огонь ухнули. «Мотор! Стоп! Спасибо! Сня-

У меня брат геолог, а сестра астроном

то!» Мы вмиг сели. А группа упала: мы выглядели, как две мартышки — у меня коричневый нос, подбородок и два пятна на щеках, у него — белый нос, подбородок и пятна на щеках. Но в фильме этого не видно. Там вообще ничего не видно, ни страсти, ни гипсовой ноги...

— Ирина Викторовна, вы еще во втором курсе школы-студии начали играть на сцене МХАТ в спектакле «Зима тревоги нашей». И распределили вас туда после окончания. А почему вы пошли в Ленком?

— Влюбилась в спектакли Анатолия Эфроса. Он тогда в Ленкоме работал. Драматург Арбузов увидел меня в дипломном спектакле «Мой бедный Марат» и рассказал Эфросу. Тот меня пригласил. И я была счастлива работать с любимым режиссером. Но недолго. Через сезон его, мягко говоря, перевели в Театр на Малой Бронной. А я осталась в Ленкоме доигрывать его спектакли. Причем я порывалась уйти, потому что без Эфроса стало неинтересно. Но меня не отпустили, более того, вернули приказом Фурцевой как молодого специалиста, обязанного отработать определенный срок. Я бы еще долго там мучилась, если б не нагрудил главному режиссеру. После чего он меня просто выгнал, мстительно посулив всякие неприятности. А дальше все произошло, как в сказке. Я закрыла за собой дверь кабинета, пошла вниз по лестнице, а из глаз потекли слезы. Спустилась на служебный вход и вижу молодого человека с выходящими золотыми волосами; ну просто Садко голубоглазый! И этот мужчина говорит мне, что он ученик Андрея Александровича Гончарова, который возглавил Театр им. Маяковского, и Андрей Александрович приглашает меня на разговор. А у меня еще пуще слезы хлынули: так не бывает! Три минуты назад в моей жизни захлопнули дверь, как в тюремной камере, и тут же открылась другая. И «Садко» спрашивает, когда я смогу прийти для беседы. Я отвечаю: сейчас! И, умывшись в фонтане, иду по бульвару в Маяковку. А там релетировали «Два товарища» Войновича. Весь спектакль готов, только нет героини. И я буквально с ходу влетела в спектакль.

— И в Маяковке вы работали, пока не перешли в Малый театр?

— Нет, я же уехала в Польшу-Швецию. Три года отсутствовала. А вернувшись, пришла к Гончарову, который обещал меня ждать. И я чувство-

вала обязательства перед ним. Но возвращаться никогда никуда нельзя, особенно туда, где тебе было хорошо. Еще четыре года, что я там проработала, были никакими. Это не вина Гончарова, просто так складывалось: то про Чили надо сыграть, то про нефть, к юбилеям, датам... А для души был спектакль «Рассказ неизвестного человека» Чехова, который поставил Георгий Сергеевич Соколов. Удивительный режиссер! Он возглавлял областной театр. Я видела там «Рабочий поселок», это было потрясением. Георгий Сергеевич одарил меня таким багажом, из которого я продолжала черпать уже потом, когда его не стало. А «Рассказ неизвестного человека» недолго шел в малом зале. Почему-то он противопоставлялся пожарникам. И они закрыли зал именно для этого спектакля. И, когда Царев пригласил меня в Малый театр, я не раздумывала, потому что он предложил такие работы, сыграв которые актриса может сказать, что у нее удивительная судьба: Тирсо де Молино, Шекспир, Шиллер, Расин, Гюго, Островский...

— Вам уютнее на съемочной площадке или в театре?

— В театре, конечно. Не уютнее, а как-то полнокровнее. Я люблю процесс спектакля, а кино — это результат. В театре есть момент чуда, в кино же чудо зависит не всегда от актера. Вроде ничего особенного не сыграла, а так сняли или смонтировали, что получилось красиво.

— Как вы думаете, отчего актеры начинают пить? И благополучные, и неблагополучные...

— Даже много и успешно работающие начинают пить не от сладкой жизни. Что-то такое накапливается, что уже тяжело нести. Пытаешься освободиться от стресса. Но один раз, второй, третий... И ты без этого уже не можешь, и это уже не лекарство, а болезнь. Другой вариант... У Юнга есть определения психологических типов: шизоидного, психопатического... Оба типа не могут, когда все размеренно, гладко, в порядке, как в Швеции, терять ощущение бесконечности. А без этого ощущения только на пенсию остается идти. И хочется все взорвать. Но не театр же взрывать, взрываешь себя изнутри. А рикошетом попадает во все стороны. И вот ты уже алкоголик, на тебе уже печать... Актеры очень ранимые, какой бы

маской это ни скрывалось, даже самой хамской, дескать, мне все нипочем, я грубая, сильная.

— А вы как закрывались?

— Иногда под дурачку, как будто я чего-то не понимаю. Иногда браваду напускала: мне все равно, я не боюсь. Но если есть работа, она все лечит. А если ее нет, то человека можно убить этим. Я недавно прочитала у Успенского — ученики задают вопрос: что особо мешает нашей свободе? И слышат в ответ: иллюзии. Я даже книжку захлопнула: боже мой, я всю жизнь прожила в этих иллюзиях! С одной стороны, это страшно, потому что, когда реальная жизнь открывается, можно не выдержать этого. С другой стороны, вряд ли я, имея в виду актерскую судьбу, смогла бы погрузиться в свои роли, если б сама не существовала в иллюзорных мирах. Но когда впрямую говорят, что это нежелание быть свободным, трусость — очень горько становится. Для меня это было просто удар. Вроде бы я занимаюсь самообманом. Да ничем я не занимаюсь, просто какие-то вещи не хочу принимать и не буду, мне можно говорить, я стану кивать, а сама в это время думать про свое.

— Вы письма от поклонников получали?

— После «Доживем до понедельника» очень много. Один человек сказки писал. Много эзковских писем получала, но они в основном писали после журнальных обложек. От учителей, школьников, от целого корабля получила — вся команда расписалась, как они полгода в море смотрят фильм справа-налево и слева-направо, наизусть его знают, как у космонавтов «Белое солнце пустыни», так у них «Доживем до понедельника». А потом они даже смонтировали все мои сцены.

— Когда вы первый раз за границу попали?

— В 1967 году от «Спутника» в Югославию. И влюбилась в эту страну. Умудрилась отстать от группы. И две недели прожила без денег, без вещей, без билета. В Белграде, в общежитии. Кормили друзья актеры, которые у меня там появились. Ждала, когда мне билет пришлют. Потом, конечно, ругали, на какие-то объяснения вызывали. Но впечатление-то все равно осталось от страны, а не от этих разговоров.

— Что же вам там понравилось?

— Мне интересно, когда что-то новое происходит. Я долго не могу в одном вареве. Мы привыкаем к своему, а в путешествии же обязательно дух захватывает: другие люди, природа... Я люблю, когда дух захватывает. А может, это и наследственное. У меня брат геолог, а сестра астроном.

— Как это вы затесались в такую научную семью?

— Совершенно непонятно. Один дедушка был машинистом, второй — Кавказскую железную дорогу строил вдоль Черноморского побережья. Все путешествовали. У нас на кухне висела карта мира. И я помню булавочки, они только появились тогда, с пластмассовыми разноцветными головками. Первую я воткнула в острова Самоа. Наверное, под впечатлением рассказов Сомерсета Моэма. Я всегда ела напротив карты, знала все столицы мира, все реки. Много мечтала в детстве. Даже, помню, шипала себя, чтобы не заснуть и домечтать до конца. У меня было два варианта. Я работаю в театре рабочим сцены, а потом непременно играю Офелию, наверное, оттого, что спектакль «Гамлет» смотрела больше двадцати раз. И я все время путешествовала. У меня еще остался Париж, хотя я его весь в мечтах обошла, боюсь, что в реальности это окажется не тот Париж. Очень хочу в Южную Америку, на карнавал, только чтобы участвовать, плясать. И по-прежнему — Самоа. Я приблизилась к ним, когда была в Таиланде.

— В 1980 году вы перестали сниматься в кино, потому что все силы отдали театру. В 1990 году вы ушли из театра. А что теперь? Вы вышли замуж за талантливого актера и режиссера Александра Соловьева. Не хотите ли вместе что-нибудь поставить и сыграть?

— Очень хотим. Но Саша — Лев, его должно осенить. И тогда он с невероятной энергией бросится в это. А я Дева. Мне нужно совершенно ясно понять, чего я хочу. Я действительно хочу работать, играть. И мне надо запустить эту мысль и искать, читать, узнавать. Хочется поучаствовать в чем-то радостном. Я во всех своих спектаклях, кроме «Дети Ванюшина», умирала. По синякам можно было определить, какую роль сыграла: то коленку ушибала, когда падала, то локоть... А хочется сыграть такое, чтобы после спектакля у людей на душе посветлело, будто солнышко вышло, и чтобы они улыбнулись.

— Когда-то вы спросили Руфина Нифонтова: «Что должна уметь актриса?» И получили в ответ: «Всё». А как бы вы сейчас ответили на этот вопрос?

— У моего любимого Александра Грина я как-то прочитала примерно такую фразу: творить — это разрушать и вводить что-то свое. Вот это должна уметь актриса.

Беседовала Алла ПЕРЕВАЛОВА

Высоцкий носил меня на руках